

УДК 608.1:111

А. А. Заздравнов¹, О. И. Заздравнова²¹д-р мед. наук, проф. каф. общей практики – семейной медицины и внутренних болезней
Харьковского национального медицинского университета²д-р филос. наук, проф. каф. философии, исторических и социальных дисциплин
Харьковского национального аграрного университета
e-mail: Turisst@meta.ua**CREDO А. ШВЕЙЦЕРА: АПОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
В ПРИКЛАДНОЙ БИОЭТИКЕ БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ**

Рассмотрены этико-философские аспекты онтологического феномена Credo. Показана инновационность эоцентрического Credo А. Швейцера – благоговения перед жизнью – в сравнении с антропоцентрическими мировоззренческими принципами предшествующих философов и мыслителей. Жизнь, согласно А. Швейцера, является подарком природы, и все живое развивается по природным законам. Человеческий разум своим появлением обязан этим же законам и не вправе противостоять им. В этике благоговения перед жизнью человек, как и всякое живое существо, – самодовлеющая целостность. Но при этом уникальность человека не отрицает того, что все виды живой природы равноценны по своей сущности: жизнь каждого растения и животного неповторима и уникальна. Биоэтика благоговения перед жизнью является актуальной этической концепцией и задает программу жизни индивида в форме его непосредственных действий как представителя человеческого рода, осознающего свою связь с флорой и фауной планеты.

Credo – исповедание, символ веры, к которому приходит далеко не каждый человек, а лишь способный подняться на уровень рефлексивного знания относительно смысла своего бытия и назначения. Из этого следует, что абсолютное большинство людей не испытывают необходимости в Credo, позволяя себе довольствоваться здравым смыслом и интуицией в выборе вариантов поведения в многосложных жизненных коллизиях. Именно на этой основе формируется и закрепляется иллюзия человеческой свободы в выборе поступков и чувство самоудовлетворения как умение беззаботно жить. Предметы природы представляются завершенными, а деятельность человека имеет целью избирательное включение их в повседневный обиход. При этом универсум природы сужается до пределов непосредственных компонентов хозяйственной жизни. И в этих границах человек – хозяин положения, он чувствует себя раскованно, уверенно осуществляет жизненный цикл своих функций.

Анналы человеческой истории отнюдь не изобилуют именами тех, кто оказался в состоянии вырваться из-под гнета повседневных забот и перестал ощущать себя только элементом хозяйственного механизма. Именно этим людям суждено обретать чувство человеческого достоинства и подтверждать его своими поступками, открывая тем самым высокое назначение человека и смысл его бытия. Их символ веры, Credo, базируется на различных основаниях, но вектор у них один – духовный рост индивида в практике добродетельной жизни. Credo Сократа (469–399 гг. до н. э.) «Познай самого себя» сопрягается с естественной тягой индивида овладеть искусством добродетельной жизни. Credo Эпикура (342–270 гг. до н. э.) «Обратись к себе самому, особенно если ты вынужден жить в толпе» призывает индивида «освободиться раз и навсегда из тюрьмы наших житейских забот и от политики». В своем Credo «Верую, потому что абсурдно» К. С. Тертуллиан (160–220) настоятельно рекомендует верующему индивиду избегать искусов светской культуры, превращающей человека в суетного искателя богатства и славы, а обратиться к вере как к кладезю сокровенных истин относительно смысла человеческого бытия и назначения человека. Императивную природу Credo предельно четко обозначает М. Лютер (1483–1546): «На том стою и не могу иначе». И вдруг среди

этих антропоцентрических по сути своей девизов ярко вспыхивает совершенно иное, принципиально отличное от них эоцентрическое Credo А. Швейцера (1875–1965): «Я жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить» [1, с. 217].

Феномен Credo онтологичен постольку, поскольку отражает пути выживания человека и человечества в современном мире в условиях антропологического кризиса. Сегодня прослеживается тенденция девальвации настоящего в угоду будущему, действия опережают мысль. Ценить сущее – означает признание за ним определенной ценности, как ценности бытия жизни. Сущее образует фундамент будущего, комплекс исходящих начал, на котором только и возможно воспроизводство жизни. В этическом отношении это означает осознание индивидуальной ответственности перед будущими поколениями людей и природой. И Credo А. Швейцера как нельзя лучше отражает понимание этой ответственности.

Рассмотрим Credo А. Швейцера, опираясь на его личные воспоминания и размышления. А. Швейцер родился «в период духовного упадка человечества». Своей эпохе он ставит «медицински точный диагноз»: она обречена на гибель уже потому, что в ней деградированы этические ценности. В этом нет ничего странного и исключительного: «В юности человек впервые сталкивается с глобальными вопросами человеческого бытия, на которые мучительно искали ответа его предки и которые с фатальной неизбежностью возникают перед его потомками: “Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?”». “И особую эмоциональную окраску для молодых людей приобретают размышления над триадой: “Кто я? Для чего я? Куда мне идти?”. Каждый человек отвечает на эти “вечные” вопросы по-разному. Но ориентирами в его размышлениях, как правило, является система идеологических ценностей того общества, к которому он принадлежит, и той эпохи, в которой он живет. Он может разделять господствующие идеи своего времени, может отвергать их, но полностью абстрагироваться от них ему не дано» [2, с. 232].

Отношение людей к этим вопросам отнюдь не однозначно. Большая часть человечества, погруженная в ежедневные заботы относительно физического выживания, не испытывает особого желания задумываться над подобными вопросами, считая их безобидной блажью, нелепой причудой отдельных индивидов, настоятельно рекомендуя им «выкинуть блажь из головы» и заняться «делом». А. Швейцеру повезло: с самого детства его ближайшее окружение настоящим, достойным человека делом считало не рутинную физическую или канцелярскую работу, а именно труд – «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [3, с. 436]. Труд – это процесс, составляющий содержание всей человеческой истории: труд создал, создает и будет создавать человека. Этический ригоризм протестантизма, способствуя формированию таких черт личности, как трудолюбие, честность, доброжелательность, образует благоприятную среду для выявления и развития внутренних способностей и потенциалов молодого А. Швейцера.

Блестящий гастролирующий органист, музыковед, глубокий теолог, оригинальный философ, врач, организатор медицинской службы в экстремальных условиях, лауреат Нобелевской премии мира... Список можно продолжать. Но это будет позже. А в молодости А. Швейцер задается поиском того критерия, который, будучи положенным в основу шкалы человеческих ценностей, способствовал бы облагораживанию человека, насыщению духовностью всего жизненного процесса. Реальная «польза» духовности начинает рассматриваться им в ключе обеспечения индивида полной свободой принятия жизненно важных решений безотносительно к сложившимся жизненным обстоятельствам. К последним А. Швейцер относит, прежде всего, такие, которые касаются проблем смысла и назначения человеческого существования, идеалов и целей бытия индивида. Другими словами, констатирующая индивида духовность презентуется

ему как представителю человеческого рода, который может свободно распоряжаться своей судьбой в плане быть или не быть человеком. Отсюда установка на ответственное отношение к жизни и принятие решений, способствующих естественной коэволюции живых организмов. Универсум внешней среды вовлекается во внутренний мир индивида, благодаря чему реализуется самоидентичность человека, его свобода во всех жизненных ситуациях. А. Швейцер отмечает, что «пронзительность» экологических проблем, увеличивающийся разрыв между социально значимым и социально сущностным усложняет жизнь человека. Ставится под сомнение однозначность позитивной оценки его способности преобразовывать окружающий мир в направлении, благоприятном для собственного существования и эволюции. Отсюда исходит настоятельная необходимость пересмотра моральных качеств индивида и выдвижение на первый план таких компонентов, как долг, ответственность, взвешенность, мудрость, способность адекватно понимать и оценивать окружающую реальность.

А. Швейцер приходит к выводу, что в жизненно важных ситуациях позиция индивида определяется не столько материальными условиями его жизнедеятельности, сколько уже сложившимися духовно-нравственными установками. Именно их индивид нередко чисто интуитивно самостоятельно выбирает как наивысшие человеческие ценности, возводя в статус критериев и норм собственного поведения, пропуская «через моральное сито» каждый свой поступок. Уникальность каждого индивида порождает массу вариантов оценки событий и мотивации поступков. В этой связи вопиюще аморальным видится лозунг тоталитарного общества: «У нас незаменимых людей нет». Напротив, современная наука и общественная практика утверждают: «Нет двух людей одинаковых, как нет двух одинаковых лиц. Про лица это все знают. Но наследственность каждого человека, его генотип – это тоже “лицо”, только проявляется оно в ходе развития человека. Неодинаковость генотипов, неодинаковость наследственных задатков и их комбинаций – это принципиальный факт, на котором основывается принцип неисчерпаемого наследственного разнообразия человечества» [4, с. 20].

Смысл человеческой жизни, согласно А. Швейцеру, изначально, с рождением не задается. Он приобретает в процессе человеческого осуществления жизни и познается в процессе ее осмысления. Человеческая жизнь сама по себе не обладает никаким смыслом, кроме того, какой сознательно или стихийно придает ей индивид способами своего бытия. Сам индивид распоряжается смысловым содержанием жизни: он может наделить ее своим человеческим смыслом, а может и отнять его, ввергаясь в бессмысленное существование – прозябание. Позволим себе привести цитату из научно-фантастического романа: «Значительную часть своей жизни он прожил, как и большинство других, *не замечая ее*. Даже поиски в космосе не часто наполняли его душу *благоговением* (курсив наш. – А. З., О. З.). А между тем, как удивительна жизнь, вся ее совокупность!» [5, с. 109].

Жизнь в понимании А. Швейцера – это подарок природы, и все живое развивается по природным законам. Человеческий разум своим появлением обязан этим же законам, а потому он не вправе «вставать в позу» перед законами природы. Когда человек преобразует мир «под себя», бесконечно стремясь к повышению материальной комфортности жизни, то, по большому счету, это мир изменяет сам себя при помощи нашего разума. Важно осознать, что человек не властелин мира, а его порождение. Явное заблуждение творцов этических систем в том и состоит, что они преследуют цель подчинить мир разуму, когда на самом деле разум изначально подчинен миру: мир изменяет себя при посредстве разума. Жизнь, считает А. Швейцер, самая большая ценность. Только она дает миру смысл. Она священна, ее надо беречь. Каждая форма жизни поддерживает другую. Более того, некоторые формы дополняют друг друга. Кто знает, какие возможности кроются в них. Поможем одной – будут развиваться другие.

В диалектико-материалистической философии жизнь определяется как «форма существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития» [6, с. 186]. Развернутое определение жизни в русле этой философии принадлежит Ф. Энгельсу: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит, по своему существу, в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» [7, с. 82]. Из этого адепты марксизма заключают, что наивысшей формой живого на Земле является человек, способный не только противостоять природе, но и поставить ее себе на службу. Сугубо физиологический подход к пониманию жизни в какой-то мере уравнивает все живое. Но в данном случае напрочь отсутствует основание благоговения низшего перед высшим. Благоговение, по А. Швейцера, не может быть внешне обусловленным, оно спонтанно, но до поры до времени не проявляет себя среди естественных состояний человека, таких как бодрствование, сон, сновидения, грезы.

Этическое учение А. Швейцера в своей основе исходит из факта целесообразной организации мира, высшим проявлением и подтверждением которой является наличие разнообразных формобразований. Специфика природных явлений, их разнообразие и совершенство демонстрируют глубинные связи и взаимоотношения в ритмике бытийных процессов. Человеческая деятельность целесообразна постольку, поскольку следует ритмам природы. В этом случае достоянием человека становится признание целесообразности Универсума – исчерпывающего мысленного отображения единства и целостности мира. Оно становится возможным только тогда, когда человек начинает осознавать собственные цели, т. е. на уровне рефлексивного сознания обнаруживать в природных явлениях «человекообразные» связи и отношения. Признание наличия цели в эволюции Универсума служит обоснованию единства человека и природы, единства, которое обнаруживает человек как субъект, осознающий целевые векторы собственной эволюции. Природная целесообразность являет себя только человеку, уже включившему теорию и практику целеполагания в содержание своей жизнедеятельности.

Целесообразная сущность природы свидетельствует о ценности бытия как такового. Из факта признания целесообразности в онтологической структуре мира следует и признание нравственной ответственности человека. Человек как высший результат целенаправленных «трудов» природы должен прийти на помощь, а не быть ее разрушителем. Сущее, преходящее, мелькающее в ритмике природных процессов становится предметом личной ответственности. В силу того что эта ритмика задает основные ориентиры человеческой жизнедеятельности, то именно преходящее вызывает у человека чувство благоговения, ибо им определяется ценность самого бытия. Ценить сущее означает признавать за ним особую ценность как ценность бытия жизни. Недаром А. Швейцер свой основной труд назвал «Благоговение перед жизнью».

В этике благоговения перед жизнью имплицитно присутствует установка персонализма относительно понимания реальности как множества одухотворенных существ, связанных в гармоничную целостность. При этом каждое существо проявляет себя как фундаментальный принцип бытия, в котором волевая активность связывается с непрерывностью существования, т. е. с жизнью. Эта установка явно не укладывается в русле традиционного научного знания, рассматривающего человека как часть природы или общества, только как особое биологическое существо или как атом социального бытия. Для А. Швейцера человек, как и всякое живое существо, – самодовлеющая целостность, индивид, утверждающий свою уникальность путем трансгрессивности, т. е. стремления к преодолению установленных границ, норм и правил. Но при этом мыслитель настаивает: вышеозначенная уникальность человека не может служить основанием для того, чтобы не признавать, что все виды живой природы равноценны по своей внутренней сущности; жизнь каждого растения и животного неповторима и уникальна, все они

дети одной матери – Земли. На этом и зиждется жизненное кредо философа – благоговение перед жизнью, которое он выразил в словах: «Я жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить» [1, с. 217]. Глубоко биоэтическое Credo А. Швейцера ориентирует человечество на осознание глубокого и естественного родства всех формообразований земной жизни.

Credo А. Швейцера, обнаруженное в начале XX в., не укладывалось в рамки эпохи интенсивного освоения природной среды и острых социальных катаклизмов, потрясших мир в первой половине прошлого века. Сегодня в постиндустриальном обществе Credo А. Швейцера не перестает быть актуальным. Информационные технологии вознесли западную цивилизацию на небывалые высоты, но вместе с тем еще более увеличили разрыв со странами третьего мира, превратив их из сырьевых приделков в мировые свалки. Появилась новая форма международных экономических отношений – экспорт отходов. Не нужно быть экономистом, чтобы догадаться, откуда и куда идет данный «товар». Миллионы тонн списанной электроники из развитых стран ежегодно оседают в Гане, Нигерии, Индии. Сформировался эколого-географический парадокс: в реки Европы и Северной Америки возвращается атлантический лосось, а побережье Гвинейского и Бенгальского заливов завалены миллионами тонн пластика. Налицо успешно реализуемая попытка жить в «отдельно взятой» природе. А как же быть с другой жизнью, которая тоже хочет жить?

Социальные связи – внешний элемент человеческой природы. Индивидуальность – субстанциональная сущность человека, которая раскрывается в специфическом сочетании внутренних стремлений, склонностей, желаний. Обретение своего Credo А. Швейцером оценивается как нелегкий путь: «Тревога, волнение и горе временами отпускались мне в таком избытке, что, не будь мои нервы так крепки, я давно был бы раздавлен их тяжестью» [8, с. 349].

Credo А. Швейцера позволяет обходиться минимальным количеством установочных принципов, дабы избежать вероятных конфликтов между ними и облегчить разработку программы морального преобразования социума. Новизна и специфика этики благоговения перед жизнью состоят в том, что она преодолевает не только классовые, национальные и религиозные расхождения, но и антропоцентризм, ориентируясь как на общечеловеческие, так и на общие жизненные ценности, единые для человека и природы. Доминанта человеческих потребностей утрачивает свой статус. Солидарность человека и природы означает, что человеческие потребности перестают быть доминантными, доминирующим становится моральный фактор постольку, поскольку природа входит в пространство моральных ценностей.

А. Швейцер обращает внимание на внутренние моральные барьеры в социуме, которые запрещают ряд человеческих действий по отношению к природе. Человеческая деятельность оправдана лишь в том случае, когда осуществляется с учетом реакции природной среды на вносимые изменения. В первую очередь она не должна приводить к нарушению кругооборота веществ и природных циклов, а должна вписываться в законы функционирования каждого элемента флоры и фауны. Это становится возможным только в случае утверждения равноценности всех форм жизни, несмотря на явные расхождения в структурных элементах и уровнях их организации.

Моральный долг перед природой лежит на человеке. Принцип морального долга человека у Д. Андреева возводится в статус важнейшего атрибута: «На стадиях ниже человека и даже на ранних стадиях человечества этот принцип еще не был осознан; теперь же его можно формулировать с точностью уже довольно значительного приближения. Вот эта формула: начиная со ступени человека, долг существа по отношению к нижестоящим возрастает по мере восхождения его по дальнейшим ступеням» [9, с. 99]. Этим самым снимается противоречие в дискуссионном вопросе о равноценности всего

живого в силу уникальной внутренней целостности каждого существа. «Устанавливая наперед заданные различия в ценности между различными видами жизни, мы, в конечном счете, судим о них по тому, больше или меньше то расстояние, которое, как нам кажется, отделяет эти виды от нас, человеческих существ. Но это чисто субъективный критерий» [8, с. 341].

Пересмотр моральных качеств современного человека связан с выдвижением на первый план таких компонентов, как ответственность, долг, мудрость, взвешенность, способность понимать и оценивать окружающую реальность. Здесь будет весьма уместным, как нам представляется, процитировать самого А. Швейцера: «Если ограничить область этического отношением человека к человеку, то все попытки прийти к основному принципу нравственного с абсолютно обязательным содержанием заранее обречены на неудачу... Если действительно существует основной принцип нравственного, то он не может не касаться отношения человека к жизни как таковой во всех ее проявлениях» [1, с. 148].

Осознание социальной ответственности индивида формируется в двух разнопорядковых актах сознания – выборе поступка согласно разумному основанию и выборе самого этого основания. И если первый акт сознания вполне может быть замкнут на рациональных (для данного времени и данного общества) формах освоения окружающей действительности, то второй предполагает известную самостоятельность индивидов в выборе ориентиров, которые далеко не всегда вписываются в рамки рациональности. Именно во втором случае весьма важно не скатиться на позиции личного произвола, безотносительного к требованиям общественной нравственности. А. Швейцер уповает на то, что осознание индивидом своей принадлежности к человеческому роду инициирует его к поступкам, одобряемым с позиций общественного интереса. И индивид берет на себя, по сути дела добровольно, две обязанности: во-первых, ответственность за возможное нарушение норм морали в сфере субъективной воли, а во-вторых, ответственность за возможное нарушение предписанной социальной нравственности. Таким образом, социальная ответственность индивида – это не внешний фактор его жизнедеятельности, а необходимое условие бытия социума. При этом, считает А. Швейцер, социальные связи и отношения представляют весьма важный, но при этом лишь внешний элемент человеческой природы. Индивидуальность же – субстанциональная сущность человека, которая раскрывается в специфическом сочетании внутренних стремлений, склонностей, желаний. Он пишет: «К этике относится переживание всех состояний и всех побуждений воли к жизни, ее желания, ее страсти полностью проявить себя в жизни, ее стремления к самосовершенствованию» [1, с. 218].

Конкретное содержание социальной ответственности индивида позволяет констатировать ее атрибутивный статус по трем основаниям.

Во-первых, уже на эмпирическом уровне социальная ответственность индивида демонстрирует свое наличное существование в виде как реальной, так и потенциальной ценности для каждого индивида и для всего социума.

Во-вторых, она выступает как важный фактор интеграции индивидов на основе постоянной координации своих интересов с интересами коллектива, общества, социума.

В-третьих, социальная ответственность локализована внутри общего потока социальной эволюции, представляя ее необходимую предпосылку. Для самого индивида, проникнутого чувством личной ответственности, вполне подходит универсальный императив: «Поступай всегда согласно максиме, исходя из которой ты мог бы предвидеть, что последствия будут приемлемы для всего сущего».

Биоэтика благоговения перед жизнью задает программу жизни индивида в форме его непосредственных действий как представителя человеческого рода, осознающего свою связь и зависимость от флоры и фауны планеты. А. Швейцер своим творчеством

и практической реализацией продемонстрировал жизнеспособность биоэтической модели благоговения перед жизнью и показал, что будущее мира зависит от уникальных человеческих личностей, ориентированных на торжество духовности. Ему открылись, как говорил в таких случаях Г. Честертон, Радость Служения и Благодать Труда в его многолетней подвижнической деятельности [10, с. 184].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью : пер с нем. / А. Швейцер ; под ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
2. Голубкин, Ю. А. Из любви к истине / Ю. А. Голубкин // Лютер, М. Время молчания прошло : избранные произведения 1520–1526 / М. Лютер ; пер. с нем., ист. очерк, коммент. Ю. А. Голубкина. – Харьков : Око, 1992. – 352 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – 1955–1981. – Т. 20. – 1961. – С. 343–628.
4. Эфроимсон, В. П. На что надеемся, или Нужно ли растить гениев? / В. П. Эфроимсон, Е. А. Изюмова // Квинтэссенция : филос. альм. / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
5. Чед, О. Ветер времени : пер. с англ. / О. Чед // Фантастика, Приключения : сб. науч.-фантаст. произведений. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1989. – 336 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – 840 с.
7. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – 1955–1981. – Т. 20. – 1961. – С. 3–340.
8. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью как основа этики миро- и жизнеутверждения / А. Швейцер // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : сб. – М. : Прогресс, 1990. – 495 с.
9. Андреев, Д. Роза мира. Метафилософия истории / Д. Андреев. – М. : Русико, 1991. – 288 с.
10. Честертон, Г. К. Вечный человек / Г. К. Честертон ; пер. И. Косинского. – Чикаго : Slavic Gospel Press, 1989. – 280 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2020

Zazdravnov A. A., Zazdravnova O. I. A. Schweitzer's Credo: An Apology of Individuality in the Applied Bioethics of Reverence for Life

Ethical and philosophical aspects of the ontological phenomenon of the Credo are considered in the article. The innovation of the ecocentric A. Schweitzer's Credo (Reverence for Life) is shown in comparison with the anthropocentric worldview principles of previous philosophers. Life, according to A. Schweitzer, is a gift of nature, and all living things develop according to natural laws. The human mind appeared as a result of these laws and has no right to oppose them. Human, like any living creature, is a self-sufficient integrity in the ethical model of Reverence for Life. The uniqueness of man does not deny that all kinds of wildlife are equal in essence: the life of each plant and animal is unique. The bioethics of Reverence for Life is an actual ethical concept. It forms the life program of an individual in the form of his direct actions as a representative of the human race, which is aware of its inextricable connection with the flora and fauna of the Earth.